

Джордж Гриффит

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ В КОСМОСЕ

Фанатстика эпохи Гернсбека

Золотой фонд фантастики

Джордж Гриффит

Медовый месяц в космосе

«Автор»

2023

Гриффит Д.

Медовый месяц в космосе / Д. Гриффит — «Автор»,
2023 — (Золотой фонд фантастики)

Роман "Медовый месяц в космосе" написан Джорджем Четвиндом Гриффитом (1857-1906) - британским писателем-фантастом и известным исследователем, писавшим в поздневикторианскую и эдвардианскую эпохи. Гриффит был чрезвычайно популярен в Соединенном Королевстве, хотя ему не удалось добиться такого же признания в Соединенных Штатах, отчасти из-за его революционных и социалистических взглядов. Его отношение к молодому американскому империализму и к "бремени белого человека" англо-саксонской нации выражено в тонкой сатире, которую вы найдете и романе "Медовый месяц в космосе". Этот научно-фантастический роман повествует о молодоженах, отправляющихся в необыкновенное путешествие в космос. По пути они встречаются с существами из других миров, неизвестными цивилизациями с различным укладом жизни и сталкиваются с захватывающими испытаниями. Образное и увлекательное повествование Гриффита завораживает читателей, что делает его восхитительным чтением для любителей научной фантастики.

© Гриффит Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог. Первое путешествие Космолета	5
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	18
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джордж Гриффит

Медовый месяц в космосе

Пролог. Первое путешествие Космолета

Около восьми часов утра 5 ноября 1900 года пассажиры и члены экипажа американского лайнера "Сент-Луис", оказавшиеся на палубе либо по долгу службы, либо по своей воле, пережили очень странное, фактически беспрецедентное событие.

Большой корабль на скорости двадцать один узел неся по длинным гладким волнам навстречу восходящему солнцу, когда офицер, находившийся на штурманском мостике, случайно направил бинокль прямо вперед. Он отнял его от глаз, протер оба объектива манжетой мундира и снова посмотрел. Солнце светило сквозь дымку, которая настолько затемнила солнечный диск, что на него можно было смотреть не мучая глаз.

Офицер еще раз прищурился, опустил бинокль, протер глаза, еще раз прищурился и пробормотал:

– Черт меня побери!

В это время на мостик поднялся четвертый офицер, чтобы сменить старшего, пока тот спустится вниз выпить чашку кофе и перекусить печеньем. Второй отвел его на другой конец мостика, чтобы не слышали рулевой и квартирмейстер, стоявшие рядом, и сказал почти шепотом:

– Скажи, Нортон, там впереди есть что-то, не могу разобрать. Как только солнце поднялось над горизонтом, я увидел черное пятно, идущее прямо через него, прямо через верхние и нижние лимбы. Я посмотрел еще раз, и оно оказалось ровно посередине диска. Смотрите, – продолжал он, говоря все громче от волнения, – вот оно снова! Теперь я наблюдаю его и без бинокля. Видите?

Четвертый ответил не сразу. Он поднес бинокль к глазам и медленно двигал им, как будто следил за каким-то движущимся объектом в небе. Затем он отдал его обратно и сказал:

– Если бы я не верил в то, что это невозможно, я бы сказал, что это воздушный корабль, но в данный момент я, пожалуй, лучше дождусь, пока он не приблизится, если он вообще приближается. Тем не менее, там что-то есть. И, похоже, оно быстро увеличивается. Может быть, стоит уведомить старика. Что скажете?

– Наверное, стоит, – сказал второй. – Будет лучше, если спуститесь вы. Не рассказывайте об этом никому, кроме его самого. Нам не нужны лишние волнения среди людей.

Четвертый помощник кивнул и спустился по ступенькам, а второй стал ходить вверх и вниз по мостику, время от времени бросая взгляд вперед. Снова и снова загадочная структура пересекала диск солнца, причем всегда вертикально, как будто, чем бы она ни была, она шла прямым курсом от солнца к кораблю, а ее кажущиеся взлеты и снижения объяснялись погружением носа в волны.

– Ну, мистер Чартерис, что произошло? – спросил капитан, поднявшись на мостик. – Надеюсь, ничего страшного? Вы заметили брошенный корабль, или что? Да что же это такое!

Он поднял руки к глазам и несколько мгновений смотрел на бледно-желтую продолговатую поверхность солнца.

В этот момент корпус "Сент-Луиса" снова погрузился, и капитан увидел нечто похожее на черную линию, стремительно проведенную по солнцу снизу вверх.

– На это я и хотел обратить ваше внимание, сэр, – негромко сказал второй. – Я впервые заметил это, пересекающее солнце, когда оно поднималось сквозь туман. Я подумал, что это пятно грязи на моих линзах, но с тех пор оно несколько раз пересекало солнце и несколько

минут, казалось, замирало в его центре. Позже оно стало значительно больше, и что бы это ни было, оно быстро приближается к нам. Вы видите, что теперь все видно невооруженным глазом.

К этому времени несколько человек из экипажа и тех, кто еще недавно отдыхал на палубе, тоже заметили странное явление, которое, казалось, висело и раскачивалось между небом и морем. Люди бросились вниз за своими биноклями, стучали в двери кают своих друзей и убеждали их подняться, потому что что-то летит к кораблю по воздуху; и через несколько минут на палубе были сотни пассажиров во всех видах утреннего костюма, а десятки биноклей, прижатых к встревоженным глазам, были направлены вперед.

Впрочем, бинокли вскоре стали не нужны, так как едва пассажиры поднялись на палубу, как таинственный объект на востоке приобрел четкие очертания, и при виде его открылись не только глаза, но и рты, так как перед глазами и ртами предстало самое странное зрелище, которое когда-либо видели путешественники по морю или по суше.

На расстоянии около мили аппарат развернулся под прямым углом к курсу парохода с быстротой, которая явно свидетельствовала о том, что он полностью подчиняется контролю управляющего разума, и сотни жаждущих глаз на борту лайнера увидели, как с серо-голубого утреннего неба на них опускается судно, корпус которого, казалось, был сделан из какого-то металла, сверкающего бледным, стальным блеском.

Он был заострен с обоих концов, причем передний конец имел форму шпоры или тарана. На заднем конце находились два мерцающих, перекрещивающихся круга зеленовато-желтого цвета, образованные, по-видимому, двумя движущимися с огромной скоростью винтами. За ними находился вертикальный веер треугольной формы. Корабль оказался плоскостным, а верхняя половина его корпуса примерно на треть длины посередине была закрыта изогнутой куполообразной крышей из стекла.

– Это какой-то воздушный корабль, в этом нет никаких сомнений, – сказал капитан, – так что я думаю, что проблема наконец-то решена. И все же это не воздушный шар, потому что он летит против ветра, и не аэроплан, потому что у него нет ни плоскостей, ни крыльев, ни каких-либо приспособлений подобного рода. Но он сделан из чего-то вроде металла и стекла, и за ним необходимо тщательно следить. Он движется с довольно большой скоростью. Думаю, не меньше ста миль в час. Ах! Он собирается заговорить нас! Надеюсь, он окажется искренним.

К этому времени все находившиеся на борту "Сент-Луиса" были уже на палубе, и волнение возросло до предела, когда странное судно спустилось к ним со стороны неба, пронеслось мимо них, как вспышка света, обогнуло корму и расположилось рядом по правому борту в двадцати футах от поручней мостика.

Длина судна составляла около ста двадцати футов, высота – двадцать футов, ширина – тридцать, и капитан, многие офицеры и пассажиры с огромным облегчением обнаружили, что, насколько можно было судить, на судне нет никакого оружия.

Когда судно подошло к борту, открылась раздвижная дверь в стеклянном куполе на крыше в середине судна, как раз напротив окончания мостика "Сент-Луиса". Высокий светловолосый мужчина лет тридцати, в серой фланели, откинув большим пальцем кепку-гольф, сказал:

– Доброе утро, капитан! Вы меня, наверное, помните? Полагаю, рейс прошел хорошо? Я полагал, что встречу вас где-нибудь неподалеку.

Капитан "Сент-Луиса", как и все остальные на борту, уже до предела растерял свою доверчивость и начал сомневаться, действительно ли он проснулся, но когда он услышал приветствие и узнал говорившего, то уставился на него в полнейшем недоумении и на мгновение потерял дар речи. Затем он снова взял себя в руки и сказал, держась как можно увереннее:

– Доброе утро, милорд! Вот уж не ожидал встретить даже Вас вот так, посреди Атлантики! Значит, газетчики в кои-то веки оказались правы, и у вас есть воздушный корабль, который может летать?

– И даже больше, капитан, если захочется. Я просто совершаю пробный рейс через Атлантику, прежде чем отправиться в путешествие вокруг Солнечной системы. Звучит как откровенная ложь, не правда ли? Но это скоро выяснится. О, доброе утро, мисс Ренник! Капитан, могу я подняться на борт?

– Конечно, милорд, только, боюсь, я не смею задерживать почту дяди Сэма, даже ради вас.

– В этом нет необходимости, капитан, на таком спокойном море, как это, – последовал ответ. – Просто продолжайте плыть, а я пойду рядом.

Он просунул голову в дверь и что-то сказал в трубку, которая вела в стеклянную камеру в носовой части крыши, где перед маленьким штурвалом стояла неподвижная фигура.

Корабль тут же начал приближаться к поручням лайнера, причем скорость его была настолько точной, что порог двери без осязательного толчка коснулся конца мостика. Затем на мостик выскочила фигура во фланелевой одежде и протянула руку капитану.

Когда они пожали друг другу руки, он негромко сказал:

– Я хочу переговорить с вами наедине, и как можно скорее.

Командир заметил в его глазах очень серьезное выражение. Кроме того, даже если бы он не появился в столь необычных обстоятельствах, было совершенно невозможно, чтобы человек его положения в обществе, его богатства и влияния мог обратиться с такой просьбой без веских на то оснований, поэтому он ответил

– Конечно, милорд. Не спуститесь ли вы ко мне в каюту?

Сотни любопытных глаз смотрели на высокую атлетическую фигуру и правильные черты бронзового, честного английского лица, когда Ролло Ленокс, Смитон Обри, граф Редгрейв, барон Смитон из английского парламента и виконт Обри из ирландского парламента, проследовал за капитаном в его комнату через расступающуюся толпу пассажиров. Он кивнул одному или двум знакомым лицам в толпе, так как был давним пассажиром атлантического лайнера и пять раз пересекал Атлантику с капитаном Хокинсом на судне "Сент-Луис".

Потом он увидел хорошо знакомое лицо, которое не видел уже более двух лет. Это было лицо, обладавшее одновременно и светлой англосаксонской кожей, и твердыми, но тонкими англосаксонскими чертами, и волнистым богатством древнесаксонских золотисто-каштановых волос, а из-под темных и, пожалуй, чуть тяжеловатых бровей выглядывала пара больших, нежных, анютиных глазок, окаймленных длинными, завывающимися черными ресницами. Кроме того, в изгибе ее губ и положении головы было то непередаваемое выражение, не говоря уже о том, что вся ее осанка отличалась легким, живым изяществом, которое выдавало в ней дочь лучшего народа в мире.

Их глаза на мгновение встретились, и лорд Редгрейв был поражен и даже немного возмущен тем, что девушка быстро покраснела, а мгновенная улыбка, которой она его приветствовала, угасла, когда она отвернула голову в сторону. Тем не менее, он был человеком, привыкшим делать то, что хочет, а в данный момент он хотел пожать руку Лилле Зейди Ренник, поэтому он направился прямо к ней, приподнял фуражку и подал руку, сказав, сначала глядя ей в глаза, а затем устремив взгляд на Космолет:

– Еще раз доброе утро, мисс Ренник! Как видите, дело сделано.

– Доброе утро, лорд Редгрейв! – ответила она, как ему показалось, несколько растерянно. – Да, я вижу, вы выполнили свое обещание. Как жаль, что уже слишком поздно! Но я надеюсь, что вы сможете остановиться надолго и рассказать нам обо всем. Это миссис Ван Стюйлер, которая взяла меня под свою опеку на время моего путешествия в Европу.

Его светлость ответил поклоном на поклон высокой, несколько суровой матроны, которая выглядела достойно даже в несколько непримечательном костюме, в который были одеты большинство дам. Но взгляд ее был доброжелательным, и он сказал:

– Очень рад встрече, миссис Ван Стюйлер. Я слышал, что вы приедете, и надеялся застать вас на другом берегу до вашего отъезда. А теперь, если позволите, я пойду побеседую с капитаном.

Он снова поднял фуражку и, скрывшись от любопытных глаз взволнованной толпы, скрылся за дверью капитанской каюты.

Капитан Хокинс закрыл дверь своей гостиной и сказал:

– Итак, милорд, я не буду задавать вам никаких вопросов, потому что если я начну, то никогда не смогу остановиться; кроме того, возможно, вы захотите объясниться прямо сейчас.

– Возможно, это будет самый короткий путь, – сказал его светлость. – Дело в том, что у нас на руках не только остатки этого бурского дела, но и практически объявление войны со стороны Франции и России. Вкратце это выглядит так. Несколько недель назад, пока союзники думали, что борются с боксерами, моему брату, министру иностранных дел, стало известно, что Цун-ли-Ямэнь заключил с Россией секретный договор, который практически аннулировал все наши права на долину Янцзы и давал России право провести свою Северную железную дорогу прямо через Китай.

– Как вы знаете, мы и так слишком долго терпели в этой части мира, но этого мы стерпеть не можем, поэтому около десяти дней назад был отправлен ультиматум, в котором объявлялось, что британское правительство будет рассматривать любое посягательство на долину Янцзы как недружественный акт.

– Тем временем Франция прислала уведомление о том, что она собирается оккупировать Марокко в качестве компенсации за Фашоду, и добавила несколько неприятных высказываний о Египте и других местах. Мы, конечно, не могли с этим смириться, поэтому был выдвинут еще один ультиматум, и в итоге я получил вчера поздно вечером телеграмму от моего брата, в которой он сообщал мне, что война почти наверняка будет объявлена сегодня, и просил меня использовать это мое судно в качестве своего рода рассыльного катера, если оно будет готово. Судно предназначено для гораздо лучших целей, чем боевые, поэтому он не мог просить меня использовать его в качестве военного корабля; кроме того, я нахожусь под торжественным обязательством перед его изобретателем – его создателем, фактически, поскольку я лишь построил его – разнести его на куски, а не позволять использовать его в качестве боевой машины, за исключением, конечно, случаев личной самообороны.

– Вот телеграмма от моего брата, так что вы видите, что ошибки нет, а сразу после нее пришел посыльный, который просил меня, если аппарат окажется удачным, перевезти это с собой через Атлантику так быстро, как только я смогу добраться. Это копия наступательного и оборонительного союза между Великобританией и Соединенными Штатами, детали которого были согласованы как раз в тот момент, когда возникло это осложнение. Еще один крейсер идет навстречу, и, конечно, к этому времени новости уже дойдут до Вашингтона по кабелю.

– К тому времени, когда вы доберетесь до входа в Ла-Манш, вы, вероятно, обнаружите, что он кишит французскими крейсерами и торпедоносцами, так что, если вы согласитесь с моим советом, вы покинете Квинстаун и уйдете как можно дальше на север.

– Лорд Редгрейв, – сказал капитан, протягивая руку, – я отвечаю за многое здесь, и я не знаю, как вас отблагодарить. Полагаю, что этот договор уже передан Франции кем-то из наших ирландских государственных деятелей, и было бы очень нехорошо, если бы "Сент-Луис" столкнулся с французским или русским крейсером. . .

– Все в порядке, капитан, – сказал лорд Редгрейв, взяв его за руку. – Я должен был предупредить любой британский или американский корабль. В то же время я должен признаться, что

мои мотивы предупредить вас были не совсем бескорыстными. Дело в том, что на борту "Сент-Луиса" есть человек, которого я не хотел бы видеть во Франции в качестве военнопленного.

– И могу я спросить, кто это? – спросил капитан Хокинс.

– Почему бы и нет? – ответил его светлость. – Это та молодая женщина, с которой я только что разговаривал на палубе, мисс Ренник. Ее отец был изобретателем этого моего корабля. Никто не поверил его идеям. Ему отказали в патенте и в Англии, и в Америке, сославшись на отсутствие практической пользы. Я познакомился с ним около двух лет назад, то есть за год с лишним до его смерти, когда останавливался в Банфе в Канадских Скалах. Мы познакомились, и он рассказал мне о своей идее. Я очень заинтересовался, но, боюсь, должен признаться, что не стал бы воплощать ее в жизнь, если бы профессор не оказался обладателем необыкновенно красивой дочери. Однако, конечно, сейчас я очень рад, что сделал это; хотя эксперименты обошлись почти в пять тысяч фунтов, а изготовление аппарата – почти в четверть миллиона. Тем не менее, она стоит каждого пенни, и я привез ее, чтобы предложить мисс Ренник в качестве свадебного подарка, то есть, если она согласится, и я.

Капитан Хокинс поднял голову и довольно серьезно сказал:

– Тогда, милорд, я полагаю, вы не знаете...

– Чего не знаете?

– Что мисс Ренник переходит под опеку миссис Ван Стюйлер, чтобы выйти замуж в Лондоне в следующем месяце.

– Дьявол ее побери! И за кого же, позвольте спросить? – воскликнул его светлость, выпрямляясь во весь рост.

– За маркиза Байфлита, сына герцога Данкастера. Удивительно, что вы об этом не слышали. Сватовство было назначено прошлой осенью. Судя по тому, что говорят люди, она не очень-то и влюблена в него, но... мне кажется, что это похоже на многие англо-американские браки. Пара миллионов долларов с одной стороны, титул с другой, и очень мало настоящей любви между ними.

– Но, – сказал Редгрейв сквозь зубы, – я не думал, что мисс Ренник когда-либо имела состояние; на самом деле я совершенно уверен, что если бы ее отец был богатым человеком, он бы сам разработал свое изобретение.

– Ох, эти доллары не принадлежат ей. Более того, они не будут принадлежать ей до тех пор, пока она не выйдет замуж, – ответил капитан. – Они принадлежат ее дяде, старине Расселу Реннику. Он влез на первый этаж нью-йоркского и чикагского ледокольных трастов и заработал миллионы. Часть из них он собирается потратить на то, чтобы сделать свою племянницу маркизой. Вот, собственно, и все.

– Действительно! – сказал Редгрейв, все еще плотно сжав зубы. – Ну, если учесть, что Байфлит – самый большой расточитель из всех, кто когда-либо позорил английскую аристократию, то я не думаю, что мисс Ренник или ее дядя заключат очень выгодную сделку. Впрочем, это, конечно, не мое дело. Я помню, что этот Рассел Ренник отказался финансировать своего брата, когда ему очень нужны были деньги. Тогда он тоже совершил очень неудачную ошибку, хотя и не знал об этом; ведь дюжина таких кораблей, хорошо вооруженных, просто разгромила бы все флоты мира и превратила бы морское дело в частную собственность. В конце концов, я не особенно сожалею, ведь тогда она не принадлежала бы мне. Ну а теперь, капитан, я попрошу вас накормить меня завтраком, когда он будет готов, а затем я должен уйти. Я хочу оказаться в Вашингтоне к вечеру.

– К вечеру! Что, двадцать одна сотня миль!

– Почему бы и нет? – сказал Редгрейв, – Я могу пролететь в атмосфере около ста пятидесяти миль за час, а потом, если это будет недостаточно быстро, я смогу подняться вне притяжения Земли, дать ей покрутиться, а потом спуститься туда, куда мне нужно.

– Великий Скотт! – не совсем корректно, но с упоением заметил капитан Хокинс. – Что ж, милорд, пожалуй, мы отправимся завтракать.

Но завтрак был еще не готов, и лорд Редгрейв вновь присоединился к мисс Ренник и ее сопровождающим на палубе. Все взгляды и множество подзорных труб были обращены на Космолет, который теперь отошел на несколько футов от борта лайнера и шел рядом, точно по курсу.

– Это так чудесно, что даже глазам не верится, – сказала девушка, когда они вновь встретились вновь, как и два года назад.

– Ну что ж, – ответил он, – убедить вас в этом будет очень легко. Сейчас он снова подойдет, и если вы с миссис Ван Стюйлер окажете ей честь своим присутствием на полчаса, пока готовится завтрак, я думаю, мне удастся убедить вас, что это – не плод воображения, а просто воплощение в металле, стекле и других вещах видений, которые были у вашего отца несколько лет назад.

От такого приглашения невозможно было отказаться. Кроме того, перспектива стать предметом восхищения и зависти всех женщин на корабле была слишком привлекательной на вид.

Миссис Ван Стюйлер сначала немного опешила от такого предложения, но она тоже испытывала примерно те же чувства, что и Зейди, и, кроме того, вряд ли можно было счесть неуместным принять приглашение одного из самых богатых и знатных дворян в британском пэрстве. Поэтому, после некоторого колебания и легкого проявления нервозности, она согласилась.

Редгрейв подал знак человеку, сидевшему за штурвалом. Космолет немного сбавил ход, опустился на метр или около того и снова встал вплотную к перилам ходового мостика. Лорд Редгрейв забрался первым и спустил легкий трап на мостик. Зейди и миссис Ван Стюйлер были осторожно подняты на руки. В следующее мгновение трап снова поднялся, захлопнулись раздвижные стеклянные двери, Космолет взмыл в воздух на несколько тысяч футов, пронесся по великолепной кривой на запад и скрылся во мраке верхних слоев атмосферы.

Глава I

Ситуация была абсолютно беспримерной во всей истории ухаживаний от времен Матери Евы до времен мисс Лиллы Зейди Ренник. Ближе всего к ней был бы старомодный татарский обычай, согласно которому мужчина мог украсть лучшую девушку, если ему удавалось поймать ее первым, перекинуть ее через седло своей лошади и ускакать с ней в свою палатку.

Но потрясенной миссис Ван Стюйлер это приключение показалось гораздо страшнее. Как только движение Космолета вверх ослабло и они освободились от своих мест, Зейди и она сама вскочили на ноги. Они смотрели вниз сквозь стеклянные стены того, что можно назвать палубой Космолета, и видели под собой снежное море облаков, только что окрашенное восходящим солнцем.

В этом облачном море, раскинувшемся между ними и Землей, как широкая пелена, виднелись огромные неровные разрывы, похожие на континенты на карте. На их сине-сером фоне, или, правильнее сказать, под ними, в центре одного из них они увидели маленькое черное пятнышко, которое через мгновение-другое приобрело форму маленького игрушечного кораблика, а затем они узнали в нем одиннадцатитысячетонный лайнер, который несколько минут назад был их домом в океане.

Миссис Ван Стюйлер дрожала всем телом, ее охватил некий танец святого Витта, вызванный физическим страхом и нарушением приличий. Однако, помимо этих ощущений, она испытывала еще и третье, вызывающее непонятное чувство тревоги. Она была женщиной этого мира, хорошо знакомой с его устоями, и прекрасно понимала, что один-единственный переход с перил мостика "Сент-Луиса" на другую сторону облаков уже вывел ее и ее подопечную за рамки человеческих законов.

Эта же мысль, смешанная с другими чувствами – отчасти удивления, отчасти вновь пробудившейся в ней привязанности, – занимала в тот момент все большее место в сознании мисс Зейди. Было совершенно очевидно, что человек, способный создать и управлять таким чудесным транспортным средством, как это, мог как морально, так и физически выйти за пределы досягаемости условностей, установленных цивилизованным обществом для собственной защиты и контроля.

Он мог делать с ними все, что ему заблагорассудится. Они были полностью в его власти. Он мог унести их в неизведанное место на одном из континентов или на неизвестный остров посреди Тихого океана. Он может даже отправить их в ужасное одиночество, которое окружает полюса. Он мог поставить их перед выбором – сделать все, что он пожелает, безоговорочно подчиниться его воле или покончить жизнь самоубийством от голода.

У них не было даже возможности выпрыгнуть, так как они не знали, как открыть раздвижные двери, а если бы и знали, то какие женские нервы могли бы выдержать прыжок в ту страшную пропасть, которая лежала под ними, погружение на две тысячи футов сквозь облака в воды холодной Атлантики?

Они смотрели друг на друга в немом, оцепенелом изумлении. Далеко внизу, по ту сторону облаков, "Сент-Луис" уходил на восток, и вместе с ним уходили последние надежды на корону, которая должна была стать супружеским эквивалентом красоты мисс Зейди и миллион Рассела Ренника.

Они больше не принадлежали этому миру. Его законы больше не могли защитить их. Могло случиться все, что угодно, и это все зависело только от воли повелителя и хозяина необыкновенного судна, которое в данный момент стало их единственным миром.

– Дорогая моя Зейди, – вздохнула миссис Ван Стюйлер, когда к ней вернулся дар речи, – как же все это ужасно! Это же похищение, и ничего больше. Даже хуже, потому что он забрал нас с Земли, и шансов на спасение не больше, чем если бы он забрал нас на одну из тех планет,

на которые, по его словам, он может отправиться. Если бы я не чувствовала огромной ответственности за тебя, дорогая, я бы, наверное, упала в обморок.

К этому времени мисс Зейди уже в значительной степени восстановила свое обычное самообладание. Волнение, вызванное стремительным подъемом, и то, что осталось от минутного физического страха, придало румянец ее щекам и озарило глаза. Даже миссис Ван Стюйлер показалось, что она выглядит, если это только возможно, красивее, чем при самых благоприятных земных обстоятельствах. Было и еще что-то, что ей совсем не нравилось видеть, – некая покорность судьбе, которую в молодой женщине, находящейся в таком положении, как она, миссис Ван Стюйлер считала явно неуместной.

– Это довольно удивительно, не правда ли? – сказала она, почти не скрывая эмоций, – но я не сомневаюсь, что в конце концов все будет хорошо.

– Все будет хорошо, моя дорогая Зейди! О каком мире или, можно сказать, небе вы говорите?

– Я хочу сказать, – ответила Зейди еще более спокойно, чем прежде, и тоже слегка поджав губы, – что лорд Редгрейв – владелец этого судна, и поэтому совершенно невозможно, чтобы с нами случилось что-нибудь необычное – то есть более необычное, чем этот чудесный прыжок с моря на небо, – если, конечно, лорд Редгрейв не собирается взять нас в путешествие среди звезд.

– Зейди Ренник! – сказала миссис Ван Стюйлер, пытаясь сохранить свое строгое достоинство, – я более чем удивлена, что вы говорите в таком тоне. Действительно, в полной безопасности! Неужели вас не поразило, что мы находимся в полной зависимости от милости этого человека, этого лорда Редгрейва, что он может везти нас куда захочет и обращаться с нами так, как ему заблагорассудится?

– Моя дорогая миссис Ван, – ответила Зейди, возвращаясь к привычной форме обращения, но говоря еще более холодно, чем это делала ее сопровождающая, – вы, кажется, забыли, что, каким бы необычным ни было наше положение в данный момент, мы находимся под опекой английского джентльмена. Лорд Редгрейв был другом моего отца, единственным человеком, который верил в его идеи, единственным человеком, который воплотил их в жизнь, единственным человеком...

– В которого вы были влюблены, так? – сказала миссис Ван Стюйлер с раздражением в голосе. – Неужели? А, теперь я начинаю кое-что понимать.

– И я думаю, что если вы запасетесь терпением, то скоро увидите еще кое-что, – огрызнулась мисс Зейди в ответ. Она резко замолчала, и румянец на ее щеках стал еще глубже, потому что в этот момент лорд Редгрейв поднялся с нижней палубы, неся большой серебряный поднос с кофейником, тремя чашками и блюдцами, тостами и несколькими тарелками с хлебом, маслом и пирожными.

В этот момент произошло своего рода светское чудо. Дело в том, что миссис Ван Стюйлер никогда раньше не получала свой ранний кофе от пэра Британского королевства. Потом ей показалось, что это немного унижительно, но в тот момент все условные барьеры словно растаяли. В конце концов, она была женщиной, а несколько лет назад – еще и молодой. Лорд Редгрейв был почти идеальным образцом английской мужественности в самом расцвете сил. Он был одним из самых богатых пэров Англии, и он принес ей кофе. Как она потом призналась, она ахнула, не удержавшись.

– Боюсь, что я заставил вас долго ждать кофе, дамы, – сказал Редгрейв, балансируя подносом на одной руке и придвигая к ним плетеный столик другой. – Видите ли, на борту этого судна нас только двое, и поскольку мой инженер управляет кораблем, мне приходится заниматься домашними делами.

Миссис Ван Стюйлер смотрела на него в молчании душевного паралича. Мисс Зейди нахмурилась, улыбнулась, а затем начала смеяться.

– Ну, из всех хладнокровных английских способов выразаться... – начала она.

– Прошу прощения? – сказал лорд Редгрейв, ставя поднос на стол.

– Мисс Ренник имеет в виду, лорд Редгрейв, – перебила миссис Ван Стюйлер, выходя из паралитического состояния, – и я тоже хотела бы сказать, что при данных обстоятельствах...

– Вы считаете, что я не так сильно раскаиваюсь, как следовало бы. Это так? – сказал Редгрейв, бросив взгляд и улыбку, направленные в основном на мисс Зейди.

– Ну, по правде говоря, – продолжал он, – я ничуть не раскаиваюсь. Напротив, я очень рад, что мне удалось помочь судьбе в той мере, в какой я это смог сделать.

– Помочь судьбе! – вскрикнула миссис Ван Стюйлер, с трудом справляясь с сахаром, в то время как мисс Зейди намазала кусок хлеба маслом и принялась его есть. – Я думаю, лорд Редгрейв, что если бы вы знали все обстоятельства, то сказали бы, что вы работали против них.

– Моя дорогая миссис Ван Стюйлер, – ответил он, наполняя свою чашку кофе, – я вполне согласен с вами в отношении некоторых судеб, но судьбы, которые я имею в виду, – это те, которые, с добрыми или злыми намерениями, как мне кажется, работают на мою сторону. Кроме того, мне известны все обстоятельства, или, по крайней мере, самые важные из них. Это знание, собственно, и является моим главным оправданием того, что я так бесцеремонно поднял вас над облаками.

Сказав это, он бросил боковой взгляд на мисс Зейди. Она опустила веки и продолжала есть свой хлеб с маслом, но на ее щеках чуть углубился румянец, который показался ему таким же, как первый румянец восхода солнца заблудившемуся страннику.

После этого наступило неловкое молчание. Мисс Зейди помешивала кофе в своей чашке изящной ложечкой времен королевы Анны, и, казалось, все ее внимание было сосредоточено на этом занятии. Затем миссис Ван Стюйлер сделала глоток из своей чашки и сказала:

– Но на самом деле, лорд Редгрейв, я чувствую, что должна спросить вас, считаете ли вы, что то, что вы делали в течение последних нескольких минут, которые уже, уверяю вас, кажутся мне часами, вполне соответствует... как бы это сказать... а, правилам, по которым мы привыкли жить?

Лорд Редгрейв снова посмотрел на мисс Зейди. Она даже не подняла век, и только легкое дрожание руки, поднесшей чашку к губам, говорило о том, что она слушает. Набравшись смелости, он ответил:

– Моя дорогая миссис Ван Стюйлер, единственный ответ, который я могу дать на это сейчас, – это напомнить вам, что, по вековому обычаю, при двух стечениях обстоятельств все должно быть справедливо, и, что бы там ни происходило на земле внизу, мы, я думаю, не находимся в состоянии войны.

В следующее мгновение веки мисс Зейди слегка приподнялись. Губы ее подрагивали, почти не ощутимо, а в глазах появились малейшие оттенки цвета. Она поставила чашку, встала, подошла к стеклянным стенам каюты и посмотрела на облачный пейзаж.

Благодаря укороченной юбке, лорд Редгрейв и миссис Ван Стюйлер увидели, что подошва ее правого ботинка слегка покачивается вверх-вниз на каблуке. Они одновременно пришли к выводу, что, если бы она была одна, она бы ударила, и ударила довольно сильно. Возможно, она также что-то выговаривала бы себе и окружающей тишине. Это казалось вероятным по почти столь же незаметному движению ее стройных плеч.

Миссис Ван Стюйлер сразу же поняла, что ее подопечная начинает злиться. По опыту она знала, что мисс Зейди сама по себе обладает очень добрым нравом, и не стоит заходить слишком далеко. Кроме того, она понимала, что обстоятельства были необычными, если не сказать двусмысленными, и что сама она занимала весьма своеобразное положение.

Она согласилась взять мисс Зейди под опеку от ее дяди Рассела за вознаграждение, которое исчислялось отчасти социальными преимуществами, а отчасти долларами. В совершеннейшей беспечности она позволила похитить не только свою подопечную, но и себя, ведь именно

к этому все и шло, с палубы американского лайнера и унести не только за облака, но и за пределы досягаемости человеческого закона, как уголовного, так и традиционного.

Внутри она просто кипела от ярости. Как она потом сказала, она была похожа на вулкан в бутылке, который хотел бы взорваться, но не решается.

Прошло около двух минут несколько напряженной тишины. Миссис Ван Стюйлер демонстративно маленькими глотками пила свой кофе. Лорд Редгрейв пил свой медленными и долгими движениями и угощался хлебом с маслом. Мисс Зейди, казалось, была вполне довольна созерцанием облаков.

Глава II

В конце концов миссис Ван Стюйлер, будучи женщиной с большим опытом и умением вести себя в обществе, поняла, что смена темы – это самый простой способ выйти из довольно сложной ситуации. Поэтому она отставила чашку, откинулась в кресле и, глядя прямо в глаза лорду Редгрейву, с чисто женской неуместностью сказала:

– Полагаю, вы знаете, лорд Редгрейв, что, когда мы уезжали, механизм, который мы называем в Америке "мужским правом" – что, конечно, означает просто выбор правительства путем подсчета носов, которые могут иметь или не иметь мозги, – был, как сказали бы некоторые из наших ораторов, в полном порядке. Если вы собираетесь в Нью-Йорк после Вашингтона, как вы сказали на корабле, то для нас это будет довольно неудобное время прибытия. Ведь когда граждане Соединенных Штатов начинают предвыборную агитацию, Нью-Йорк – не самое приятное место для остановки, разве что для людей, жаждущих острых ощущений, и поэтому, если вы позволите мне задать вопрос напрямую, я хотел бы знать, что вы собираетесь делать...

Лорд Редгрейв увидел, что она собирается добавить "с нами", но прежде чем он успел что-либо сказать, мисс Зейди повернулась, решительно направилась к своему креслу, села, налила себе свежую чашку кофе, неторопливо добавила молоко и сахар, а затем, сделав небольшой глоток, сказала, держа чашку на полпути между своими изящными губами и столом:

– Миссис Ван, у меня есть идея. Полагаю, она досталась мне по наследству, ведь у старого папы их было предостаточно. Так или иначе, мы можем вернуться к вопросам здравого смысла. Вот смотрите, – продолжила она, переведя абсолютно убежденный взгляд прямо в глаза хозяйину, – мой отец, может быть, и был мечтателем, но все же он был человеком разумных денег. Он верил в честные сделки. Он не верил в то, что можно занять сто долларов золотом и вернуть пятьдесят долларов серебром. Каково ваше мнение, лорд Редгрейв – вы ведь не занимаетесь подобными вещами в Англии? Дядя Рассел тоже приверженец разумных денег. У него слишком много золота в закромах, чтобы за него требовать серебро.

– Моя дорогая Зейди, – сказала миссис Ван Стюйлер, – какое отношение демократическая и республиканская политика и биметаллизм имеют к...

– К путешествию на этом чудесном судне, которое, как сказал мне папа много лет назад, могло бы подняться к звездам, если бы его когда-нибудь сделали? Просто лорд Редгрейв – англичанин и слишком богат, чтобы верить во что-то, кроме разумных денег, дядя Рассел тоже, вот и все, что у нас есть, или что должно быть.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, мисс Ренник, – сказал их собеседник, откинувшись в кресле и заложив руки за голову, как обычно делают путешественники на пароходах, когда море гладкое, а небо голубое. – Космолет может спуститься, как небесное видение, и проповедовать Евангелие золота в серебряных электрических лучах с помощью обычной азбуки Морзе. Как вам такая поэзия и практика?

– Я совершенно согласна с его светлостью в том, что касается практики, – сказала миссис Ван Стюйлер, несколько грубовато обращаясь через него к Зейди. – Это было бы прекрасное применение этому замечательному изобретению. И потом, я уверена, что его светлость высадит нас в Центральном парке, и мы сможем сразу же отправиться в дом твоего дяди.

– Нет, нет, боюсь, я должен попросить вас извинить меня, миссис Ван Стюйлер", – сказал Редгрейв сменив тон, что мисс Зейди оценила быстрым скрытым взглядом. "Видите ли, я поставил себя вне закона. Я, как вы изволили заметить, похитил, грубо говоря, двух дам с палубы атлантического лайнера. Более того, тем самым я эгоистично испортил перспективы одной из дам. Но, если серьезно, мне действительно нужно сначала съездить в Вашингтон..."

– Я думаю, лорд Редгрейв, – прервала его миссис Ван Стюйлер, проигнорировав последнюю незаконченную фразу и придав себе достоинство настоящей никербокерши, – если вы

позволите мне это сказать, что это едва ли является предметом для обсуждения в данном случае.

– А раз так, – перебила мисс Зейди, – то чем меньше мы об этом говорим, тем лучше. Я хочу сказать следующее. Мы все хотим, чтобы республиканцы победили, по крайней мере, все мы, кому есть что терять. И если бы лорд Редгрейв использовал этот свой замечательный воздушный корабль по назначению – против этого не было бы никаких возражений.

– Должен сказать, что до сих пор я не задумывался о том, чтобы превратить Космолет в предвыборную машину. Тем не менее, я допускаю, что его можно использовать в благих целях, только я надеюсь...

– Что мы не захотим, чтобы вы обклеили ее предвыборными плакатами, а? Или запустили с палубы рекламные листовки, или похитили Крокера и Брайана, как вы это сделали, например, с нами?

– Если бы это было возможно, то я совершенно уверен, что у меня не было бы таких приятных гостей, какие есть сейчас на борту Космолета. Как вы думаете, миссис Ван Стюйлер?

– Мой дорогой лорд Редгрейв, – ответила она, – это было бы совершенно невозможно. Мысль о том, чтобы быть запертым на таком корабле, который может парить не только над землей, но и над облаками, с людьми, которые узнают твои лучшие секреты, а потом, возможно, застрелят тебя, чтобы остаться единственными их обладателями, – ну, это было бы просто глупостью.

– Конечно, так и будет, – сказала Зейди, – единственная польза от таких людей – поднимать их выше облаков и сбрасывать. Но если бы мы, я имею в виду лорда Редгрейва, подняли Космолет над Нью-Йорком и ночью с помощью прожектора передавали сигналы с неба...

– Отлично, – сказал их хозяин, вставая с кресла на палубе и выпрямляясь, глядя при этом на отрешенный профиль мисс Зейди. – Это великолепно! Мы даже можем переломить ход выборов. Я всегда за разумные деньги, если мне будет позволено говорить по-американски.

– Английский для нас вполне достаточен, лорд Редгрейв, – немного жестко сказала мисс Зейди. – Может быть, мы немного улучшили старый язык, но мы его понимаем и можем простить его недостатки. Но это не совсем то, что нужно.

– Мне кажется, – сказала миссис Ван Стюйлер, – что мы уходим от темы почти так же далеко, как и от Сент-Луиса. Могу я спросить, Зейди, что вы на самом деле собираетесь делать?

– Не нам говорить, – ответила мисс Зейди, глядя прямо на стеклянную крышу палубной камеры. – Видите ли, миссис Ван, мы не свободные люди. Мы даже не пассажиры первого класса, оплатившие проезд по контрактному билету, который должен их доставить.

– Если вы позволите, – сказал лорд Редгрейв, прекратив свою прогулку по палубе, – это не совсем так. Если выразить это в самой грубой материальной форме, то совершенно верно, что я похитил вас обеих дам и вывел за пределы земного закона. Но есть и другой закон, который обязывает джентльмена, даже если он находится за пределами Солнечной системы, и поэтому, если вы хотите, чтобы вас высадили либо в Вашингтоне, либо в Нью-Йорке, это будет сделано. Вы будете посажены в экипаж, находящийся в нескольких минутах езды от вашего собственного дома или дома мистера Рассела Ренника. Я сам провожу вас до его дверей, там мы попрощаемся, и я отправлюсь в путешествие по Солнечной системе один.

После этого наступила еще одна пауза, пауза, в которой была заложена судьба двух жизней. Они смотрели друг на друга – миссис Ван Стюйлер на Зейди, Зейди на лорда Редгрейва, а он снова на миссис Ван Стюйлер. Это была своего рода дуэль взглядов в три угла, и взгляды говорили гораздо больше, чем могла бы сказать обычная человеческая речь.

Затем лорд Редгрейв, отвечая на последний взгляд Зейди, медленно и серьезно произнес:

– Я не хочу пользоваться неправомерными преимуществами, но мне кажется, что я вправе поставить одно условие. Конечно, я могу вывести вас за пределы известного нам мира и в другие миры, о которых мы почти ничего не знаем. По крайней мере, я мог бы это сде-

лать, если бы не был связан законом, столь же сильным, как само тяготение; но сейчас, как я уже говорил, я просто спрашиваю, будут ли мои гости или, если вы считаете, что это больше подходит к обстоятельствам, мои пленники, освобождены без всяких условий, где бы они ни решили высадиться.

Он сделал небольшую паузу, а затем, глядя прямо в глаза Зейди, добавил:

– Единственное условие, которое я ставлю, – голосование должно быть единогласным.

– В данных обстоятельствах, лорд Редгрейв, – сказала миссис Ван Стюйлер, поднимаясь со своего места и направляясь к нему со всем достоинством, которое подобало бы ей в ее собственной гостиной, – ответ на это может быть только один. Ваши гости или ваши пленники, как вам удобнее их называть, должны быть освобождены без всяких условий.

Лорд Редгрейв слушал эти слова, как человек слышит их во сне. Зейди тоже поднялась. Они смотрели друг другу в глаза, и между ними пронеслось множество невысказанных слов. Наступило молчание, а затем, к неописуемому ужасу миссис Ван Стюйлер, Зейди сказала, едва заметно вздохнув:

– Есть один несогласный. Мы пленники, и, наверное, мне лучше сдаться по собственному желанию.

В следующее мгновение рука похитителя обхватила ее талию, и миссис Ван Стюйлер с судорожно сцепленными за спиной пальцами и носом под углом в шестьдесят градусов смотрела в синюю бездну, тупо гадая, что же будет дальше на земле и под небом.

Глава III

После нескольких минут молчания, которое можно было почувствовать, миссис Ван Стюйлер обернулась и сердито сказала:

– Зейди, извини меня, пожалуй, если я скажу, что твое поведение не соответствует тому, что я ожидала... то есть не соответствует тому, что я действительно ожидала от племянницы твоего дяди, когда взялась отвезти тебя в Европу. Я должна сказать...

– На вашем месте, миссис Ван, я бы не стал больше говорить об этом, потому что, как видите, все решено и сделано. Конечно, лорд Редгрейв всего лишь граф, а тот – маркиз, но, видите ли, он мужчина, а второй, по-моему, таковым не является – вот и все, что я могу сказать по этому поводу.

Их хозяин только что покинул салон, прихватив с собой аппарат для приготовления утреннего кофе, и мисс Зейди, в состоянии острого прилива гордости и вновь обретенного счастья, совершала променады шагов по двенадцать в каждую сторону, а миссис Ван Стюйлер, отчасти успокоив свои чувства, как было сказано выше, чопорно расположилась в своем плетеном кресле и следила за ней критическим взглядом, который, будь он лет на двадцать моложе, мог бы показаться и завистливым.

– Что ж, по крайней мере, я должна поздравить вас с тем, что вы умеете приспособляться к самым необычным обстоятельствам. Должна сказать, что в этом отношении я вам весьма завидую. Мне кажется, что я должна удавиться или принять яд, или что-то в этом роде.

– Ради бога, миссис Ван, пожалуйста, не говорите так! – сказала Зейди, остановившись перед креслом своей компаньонки. – Разве вы не видите, что в этих обстоятельствах нет ничего необычного, кроме этого чудесного корабля? Я уже рассказывала вам, как мы с папой познакомились с лордом Редгрейвом во время нашего путешествия по Канадским Скалистым горам два или три года назад. Нет, в июне будет два года и девять месяцев; и как он заинтересовался теориями и идеями отца относительно этого самого корабля, на котором мы сейчас находимся...

– О да, – довольно едко сказала миссис Ван Стюйлер, – и не только к абстрактным идеям, но, по-видимому, и к определенной конкретной реальности.

– Миссис Ван, – рассмеялась Зейди, ловко крутанувшись на каблуке, – я знаю, что вы не хотите быть грубой, но... разве кто-нибудь когда-нибудь называл вас конкретной реальностью? Конечно, это правильно только как научное определение, возможно – но, как бы то ни было, я думаю, что в этом нет ничего хорошего. Факты таковы. Я согласилась выйти замуж за маркиза Байфлита просто по своей злобе и пустому невежеству. Лорд Редгрейв никогда не просил меня выйти за него замуж, когда мы были в Скалистых горах, но, вернувшись в Англию, он сказал, что как только он осуществит на деле замысел моего отца, он приедет к нам и постарается осуществить свой собственный. Он смотрел на меня, когда говорил это, и смотрел гораздо серьезнее, чем говорил. Потом он уехал, а бедный папа умер. Конечно, я не могла написать и рассказать ему, а он, полагаю, был слишком горд, чтобы писать до того, как выполнит задуманное, и я, как и большинство девушек-дурочек на моем месте, подумала, что он уже все забросил и рассматривает это путешествие как своего рода интермедию в кругосветных путешествиях, и думает об идеях и изобретениях папы не больше, чем о его дочери.

– Конечно, это вполне естественно, – сказала миссис Ван Стюйлер, несколько успокоенная сдержанной пылкостью, которую Зейди сумела вложить в обычные слова, – и вот, когда вы подумали, что он забыл о вас и ищет себе жену в своей стране, а из этой же страны приехал возможный муж с короной...

– Спасибо, миссис Ван, этого достаточно, – прервала ее мисс Зейди, на этот раз с безошибочной четкостью поставив на палубу ногу в лакированной туфельке. – С вашего позволения,

мы будем считать этот инцидент исчерпанным. Это было жалкое, подлое, гнусное дело; мне совершенно, безнадежно стыдно за него и за себя тоже. Только подумать, что я могла когда-нибудь...

Миссис Ван Стюйлер прервала свой поток возмущенных слов, внезапно подняв веки и быстро повернув голову в сторону входа. Зейди снова что-то пробурчала, на этот раз более мягко, и отошла, чтобы еще раз взглянуть на облака.

– Да что же это такое? – воскликнула она, отпрянув от стеклянной стены. – Ничего нет, мы нигде!

– Простите, мисс Ренник, вы находитесь на борту корабля Космолет, – сказал лорд Редгрейв, поднявшись на верхнюю площадку, – а Космолет в данный момент движется со скоростью около ста пятидесяти миль в час над облаками в направлении Вашингтона. Вот почему вы не видите облаков и моря, как это было после того, как мы покинули "Сент-Луис". На такой скорости они превращаются в некое серо-зеленое пятно. Надеюсь, сегодня вечером мы будем в Вашингтоне.

– К вечеру, сэ... прошу прощения, милорд! – воскликнула миссис Ван Стюйлер. – Сто пятьдесят миль в час! Но это невозможно!

– Моя дорогая миссис Ван Стюйлер, – сказал Редгрейв, бросив косой взгляд на Зейди, – в настоящее время слово "невозможно" практически не употребляется ни в английском, ни даже в американском языке. Фактически, с тех пор как я имел честь воплотить в жизнь некоторые идеи профессора Ренника, оно было отнесено к области математики. Даже он не смог сделать два и два больше или меньше четырех, но – не хотите ли зайти в командирскую рубку и убедиться в этом? Я могу показать вам несколько экспериментов, которые, во всяком случае, помогут скоротать время в пути до Вашингтона.

– Лорд Редгрейв, – сказала миссис Ван Стюйлер, грациозно опускаясь в плетеное кресло, – если позволите, я уже достаточно насмотрелась на невозможности и прочее с тех пор, как мы покинули палубу "Сент-Луиса", чтобы быть вполне довольной, пока, с позволения вашей светлости, я снова не ступлю на твердую землю, и я также хотела бы напомнить вам, что на "Сент-Луисе" мы оставили после себя все, кроме того, в чем мы находимся, и... и...

– И поэтому для меня будет делом чести проследить за тем, чтобы вы ни в чем не нуждались, пока находитесь на борту Космолета, и чтобы вас освободили из заточения...

– Не говорите гнусностей, Ленокс, я имею в виду...

– Совершенно ясно, что ты имеешь в виду, Зейди, – сказала миссис Ван Стюйлер тоном, от которого, казалось, по палубе пробежал холодок. – Действительно, американская девушка...

– Просто хочет сказать правду, – рассмеялась Зейди, направляясь к Редгрейву. – Лорд Редгрейв, если хотите, говорит, что хочет на мне жениться, а я, будь он хоть крестьянин, хочу выйти за него замуж, вот и все. Вы же не думаете, что я...

– Моя дорогая девочка, нет необходимости вдаваться в подробности, – прервала миссис Ван Стюйлер, вдохновленная нежными воспоминаниями о собственной юности, – мы примем это как должное, и поскольку мы находимся за пределами той сферы общества, в которой, как предполагается, необходимы сопровождающие, я, пожалуй, вздремну.

– А мы пойдем в рубку, да?

– Завтрак будет готов примерно через полчаса, – сказал Редгрейв, взяв Зейди за руку и поведя ее в носовую часть палубного отсека. – А пока – аревуар! Если вам что-нибудь понадобится, прикоснитесь к кнопке, расположенной по правую руку от вас, так же, как на борту "Сент-Луиса".

– Благодарю вас, ваше сиятельство, – сказала миссис Ван Стюйлер, почти растаяв и сохраняя ледяное спокойствие. – Я вполне могу подождать, пока вы не вернетесь. Правда, мне очень хочется спать.

– Это влияние высоты на нервы дорогой старушки, – шепнул Редгрейв Зейди, помогая ей подняться по узкой лестнице, ведущей к стеклянной башне, в которой в ближайшие дни ей суждено было пережить самые восхитительные и самые страшные моменты своей жизни.

– Почему же на меня это так не действует? – спросила Зейди, занимая свое место в маленькой комнате со стальными стенами и стеклянной крышей, наполовину заставленной приборами, о назначении которых она, девушка из Вассара, могла только догадываться.

– Ну, во-первых, вы моложе, что уже совсем лишнее замечание; а во-вторых, возможно, вы думали о чем-то другом.

– Под этим, я полагаю, вы подразумеваете благородную особу вашей светлости.

Это было сказано таким тоном и с такой неопикуемой улыбкой, что в разговоре сразу же образовалась пауза, и наступило молчание, которое было гораздо красноречивее, чем это могли бы сделать любые слова.

Когда мисс Зейди вновь расслабилась, она подняла руки к волосам и, поглаживая их, сказала:

– Но я думала, что вы привели меня сюда, чтобы показать мне некоторые эффекты, а не для того, чтобы...

– Не для того ли, чтобы воспользоваться первой реальной возможностью попробовать одно из самых дорогих удовольствий, которые смертный человек когда-либо похищал с земли или моря? Помнишь тот день, когда мы спускались с большого ледника, когда твоя нога соскользнула, а я успел поймать тебя и спасти от вывиха лодыжки?

– Да, негодяй, а на следующий день ты ушел и оставил после себя что-то вроде разбитого сердца! Почему ты тогда не сделал этого? О, какими идиотами вы, мужчины, можете быть, когда задумываетесь об этом!

– Это было не совсем так, Зейди. Видишь ли, я обещал твоему отцу накануне – конечно, тогда я был всего лишь младшим сыном, – что не буду говорить о реализации на практике моих идей, пока не воплещу их, и поэтому...

– И тогда я могла бы поехать в Европу с миллионами дяди Рассела, чтобы купить корону этого человека, Байфлита, и заплатить за нее...

– Не надо, Зейди, не надо! Это слишком ужасно, чтобы думать об этом, а что касается короны, ну, я думаю, что могу дать тебе такую же, как у него, и не требующую повторной позолоты. Боже правый, только представьте себе, что вы замужем за подобной штучкой! Что могло заставить вас додуматься до этого?

– Я не задумывалась, – сердито сказала она, – я не думала и не чувствовала. Конечно, я решила, что исчезла из вашей жизни, а потом мне стало все равно. Я разозлилась до глубины души и решила поступить так, как поступают другие, – получить титул и положение, и чтобы внешняя сторона была такой же яркой, как и внутренняя. Я решила быть королевой общества за границей и несчастной женщиной дома... и, Ленокс, слава Богу и тебе, что это не так!

Затем последовала еще одна интерлюдия, и в конце ее Редгрейв сказала:

– Подожди, пока мы не закончим наш медовый месяц в космосе и не вернемся на Землю. Тогда тебе не нужна будет никакая корона, хотя она у тебя будет, потому что все страны Земли не вместят другой такой женщины, как ты – твоей милой души! Конечно, сейчас это не так, но... в общем, ты понимаешь, о чем я. Ты побываешь в других мирах, совершишь, так сказать, круговое путешествие по Солнечной системе и...

– И я думаю, дорогой, что это обещает достаточно чудес, да и других вещей тоже... Нет, ты действительно слишком взыскателен. Я думала, ты привел меня сюда, чтобы показать мне некоторые из чудес, которые может сотворить этот твой удивительный корабль.

– Тогда еще немного, и я вам покажу. А теперь встань на ту ступеньку, чтобы видеть все вокруг, и смотри во все глаза, потому что ты увидишь то, чего еще не видела ни одна женщина.

Глава IV

Над маленьким письменным столом, прикрепленным к стене командирской башенки, находилась квадратная панель из красного дерева с шестью попарно расположенными белыми кнопками. С одной стороны панели висел телефон, с другой – переговорная трубка. По правую руку от места, где стояла Зейди, находились два никелированных колеса, а за каждым из них – белый диск, один с разметкой на 360 градусов, другой – на 100 с делениями по десяткам. Над головой висел обычный компас, а на других частях стены компактно располагались барометры, термометры, барографы, в общем, практически все приборы, которые только могли потребоваться самому взыскательному аэронавту или исследователю космоса.

– Видишь ли, Зейди, это то, что можно назвать мозговым отсеком Космолета, и, если учесть, что мои двигатели работают нормально, я мог бы заставить его делать все, что захочу, не выходя отсюда, но, как правило, конечно, в машинном отделении находится Мургатройд. Если бы он не был самым добросердечным валлийцем, которого когда-либо породил Йоркшир, я думаю, он стал бы идолопоклонником и поклонялся бы двигателям Космолета.

– А кто такой Мургатройд, позвольте узнать?

– Прежде всего, он, можно сказать, потомственный подданный дома Редгрейвов. Его предки служили моим на протяжении последних семисот лет. Когда мои предки были грабителями-баронами, его предки были оруженосцами. Когда мы отправились в крестовый поход, они тоже пошли; когда мы собрали полк для короля против парламента, они, естественно, первыми записались в него; и когда мы постепенно успокоились в мирной респектабельности, они сделали то же самое. Наконец, когда мы занялись торговлей как железных дел мастера и инженеры, они тоже пошли туда. Этот Мургатройд, например, был мастером-бригадиром на моих заводах в Смитоне, и он был единственным человеком, которому я осмелился доверить секреты Космолета, и единственным, кому я мог доверить себя на его борту, вот почему у нас экипаж из двух человек. Понимаете, владение таким судном – это довольно серьезный бизнес, и если он попадет не в те руки...

– Да, я понимаю, – кивнула Зейди. – Это было бы слишком ужасно, чтобы думать об этом. Ты мог бы держать в ужасе весь мир, но я знаю, что ты этого не сделаешь, потому что, во-первых, я тебе этого не позволю.

– Спокойно, спокойно, мадам; позвольте мне покорно напомнить вам, что вы все еще моя пленница и что я все еще командир Космолета.

– Ну, хорошо, – сказала Зейди, прерывая его нетерпеливым жестом, – а теперь позвольте мне посмотреть, что может сделать с ним командир Космолета.

– Конечно, – ответил Редгрейв, – и с величайшим удовольствием, но, кстати, это напоминает мне, что вы еще не заплатили за вход.

Когда оплата была произведена и принята, или, возможно, правильнее было бы сказать – принята и отдана, Редгрейв положил палец на одну из кнопок.

И тут же Зейди услышала, как все слабее и слабее становится колебание воздуха за гладкой стеной башни. Затем произошел небольшой толчок, едва не нарушивший ее равновесие, и вот уже облака под ними начали обретать форму, и огромные белые континенты с серыми океанами между ними бесшумно и стремительно уносились вдаль.

Редгрейв повернул колесо с диском в 100 градусов немного влево. В следующее мгновение облака поднялись вверх. На мгновение Зейди увидела лишь белую дымку со всех сторон. Затем атмосфера снова прояснилась, и она увидела далеко внизу огромное пространство океана, похожее на внезапно застывшую твердь.

Там были длинные атлантические валы, покрытые снежной пеной. То тут, то там через большие интервалы виднелись маленькие черные точки, за некоторыми из них тянулись корич-

невые следы, другие были с небольшими белыми пятнами, отчетливо выделявшимися на фоне серо-голубого цвета моря. С каждым мгновением их становилось все больше. Потом волны с белыми гребнями пришли в движение, и большие океанские пароходы и парусники с полными парусами все меньше и меньше походили на игрушечные. Прямо под ними показался очень большой пароход с четырьмя трубами, из которых валил густой черный дым. Редгрейв взял в руки бинокль, с минуту смотрел на него и сказал:

– Это "Дойчланд", новый гамбургско-американский рекордсмен. Давайте спустимся и поболтаем с ним. Интересно, получает ли он новости о войне? Мы ведь заодно с Германией, и они могут что-то знать об этом.

– Это было бы очень мило! – сказала Зейди. – Давай полетим и покажем им, как мы можем бить рекорды. Полагаю, они уже заметили нас и теперь гадают, кто мы такие. Думаю, увидев нас, они почувствуют, как изрядно отмучился воздушный шар бедного графа Цепелина.

Редгрейв отметил "мы" и "нас" с тайным удовлетворением.

– Хорошо, – сказал он, – мы полетим и устроим им небольшой аттракцион.

Перед командирской башенкой стоял стальной флагшток высотой около десяти футов, с галсами, пропущенными через прорезь в верхней части. Он достал из шкафчика под столом небольшой рулон бантинга, открыл стеклянную задвижку, вставил крючки и прикрепил флаг.

Тем временем длинная громада лайнера становилась все больше и больше. Палубы его были черны, люди смотрели вверх, на это странное явление, опускающееся на них из облаков. Прошла еще минута, и Космолет опустился на высоту пятисот футов от воды, примерно в полумиле за кормой "Дойчланда". Редгрейв повернул штурвал на два-три дюйма назад и нажал вторую кнопку.

Космолет мгновенно прекратил снижение, а затем рванул вперед. Новоиспеченная борзая делала двадцать два с половиной узла, выбрасывая из-под своих стоек широкие белые потоки пены. Но уже через полминуты Космолет был рядом с ней.

Редгрейв запустил рулон с полотнищем на вершину флагштока, потянул за один из фалосов, и в воздух взвился белый флаг Англии. Почти в тот же момент на корме "Дойчланда" поднялся германский флаг, и с его палубы донесся рев приветствия, смешанный с возгласами удивления.

Каждый флаг в свое время был поднят трижды. Редгрейв снял фуражку и поклонился капитану на мостике. Зейди кивнула и взмахнула платком в ответ на сотни других, развевавшихся на палубе. Миссис Ван Стюйлер вздрогнула от неожиданности и инстинктивно помахала своим, желая сменить занятие. На самом деле, если бы не ее абсолютная преданность приличиям, она бы послушалась своего первого порыва и попросила лорда Редгрейва пересадить ее на пароход.

Пока офицеры, команда и пассажиры "Дойчланда" с широко раскрытыми глазами смотрели на изящные сверкающие очертания Космолета, Редгрейв коснулся первой кнопки во втором ряду, передвинул на несколько градусов стоградусное колесо, а затем сделал четверть оборота другим. Затем он закрыл створку иллюминатора, и в следующее мгновение Зейди увидела, как огромный лайнер погружается под них, диковинно вращаясь. Казалось, что он остановился, а затем стал вращаться вокруг своей оси, становясь с каждым мгновением все меньше и меньше.

– В чем дело, Ленокс? – спросила она, слегка задыхаясь. – Что делает "Дойчланд"? Кажется, что корабль вращается вокруг своей оси, как колесо".

– Это только точка зрения, дорогая. Корабль идет прямо по курсу на Нью-Йорк, а мы все время делаем вокруг него кольца и поднимаемся вверх. Но, конечно, здесь ты замечаешь движение не больше, чем если бы находился на воздушном шаре.

– Но я думала, что вы собираетесь поговорить с ними. Конечно, вы же не хотите сказать, что это было сделано для того, чтобы немного покрасоваться?

– Полагаю, что примерно к этому все и идет, но вы не должны думать, что это было чистое тщеславие. Видите ли, немецкое правительство купило воздушный корабль графа Цеппелина, или управляемый шар, как его следует называть, предполагая, что им можно будет управлять по ветру, и, конечно, они хотят сделать из него боевую машину. Теперь Германия готова поддержать нас в надвигающейся беде, и, чтобы скрепить союз, я подумал, что было бы неплохо сообщить хитрым тевтонам, что под британским флагом есть нечто, способное сделать из их газовых мешков настоящий фарш.

– А как же "Старая слава"? – спросила мисс Зейди. – Космолет был построен на английские деньги и с английским мастерством, но...

– Это творение американского гения. Разумеется, это так. На самом деле это первый конкретный символ англо-американского союза, и когда дочь ее создателя станет партнером человека, который его сделал, у нас будет два флагштока, и "Юнион Джек" и "Старая слава" будут развеваться бок о бок.

– А пока куда мы направляемся? – спросила Зейди после минутного перерыва. – Ах, вот мы и снова в облаках. Что заставляет нас подниматься? Это та сила, которую, как сказал мне папа, он открыл?

– Сначала я отвечу на последний вопрос, – сказал Редгрейв. – Это было величайшее из открытий вашего отца. Он добрался до тайны гравитации и смог разложить ее на две отдельные силы, как это сделал Вольт с электричеством – положительную и отрицательную, или, говоря проще, притягивающую и отталкивающую.

– Три из пяти комплектов двигателей в Космолете развивают Р-силу, как я ее сокращенно называю. Вот это колесико с обозначенными за ним ста градусами регулирует её действие. Чем дальше я поворачиваю его вправо, тем больше Р-силы преодолевают силу притяжения Земли или любой другой планеты, которую мы можем посетить. Поверну обратно – и сила тяготения заявит о себе. Если я поставлю этот наконечник стрелки на колесо напротив нуля, то вес Космолета составит около ста пятидесяти тонн, и, конечно, он упадет как камень, причем очень большой. На отметке 10 он ничего не весит, т.е. Р-силы в точности противодействуют гравитации. На одиннадцатом уровне она начинает подниматься. На отметке "сто" корабль будет отброшен от Земли, как снаряд из двенадцатидюймовой пушки, или даже быстрее. Теперь смотрите.

Он взял в руки переговорную трубку.

– Все ли у нас в порядке, Эндрю?

– Да, мой господин, – прозвучало в трубке.

Затем Редгрейв медленно повернул руль, пока индикатор не указал на двадцать пять. Зейди, зажмурив глаза от удивления, увидела, как под ними расстилается огромное море сверкающей белизны, океан снега с серо-голубыми вкраплениями. Он уходил из-под ног, пока эти пятнышки не превратились в точки, а освещенные солнцем облака – в огромное светящееся пятно. Воздух вокруг них стал удивительно чистым и прозрачным. Солнце палило на них с удивительной силой, но Зейди с удивлением обнаружила, что сквозь стеклянные стены и крышу командирской башенки почти не проникает тепло.

– Какая ужасная высота! – воскликнула она, оглядываясь на него с чем-то похожим на страх в глазах. – Как высоко мы находимся, Ленокс?

– Потом вы поймете, что Космолет не принимает во внимание ни высоту, ни глубину, ни подъемы, ни спуски, – ответил он, глядя на циферблат анероидного барометра, стоявшего рядом с ним. – Грубо говоря, мы находимся на высоте более 60 тыс. футов – примерно в десяти милях от поверхности Атлантики. Вот почему я спросил Эндрю, все ли у нас герметично. Видите ли, мы не можем дышать тем воздухом, который находится снаружи, – он слишком

разрежен и холоден, – поэтому Космолет создает свою собственную атмосферу по мере того, как мы движемся. Но я не хочу больше рассказывать о том, что вам предстоит увидеть. Так что, если позволите, мы сейчас спустимся вниз и отправимся в Вашингтон. В любом случае, я надеюсь, что убедил вас в том, что я сдержал свое обещание.

– Да, дорогой, выполнил, и великолепно! Я только об одном жалею. Если бы он был сейчас здесь, как бы он был счастлив! Тем не менее, я смею предположить, что он все знает и так же счастлив. На самом деле, он должен быть счастлив. Я в этом уверен. Сама суть его сознания была в мечте об этом корабле, и теперь, когда она стала реальностью, он должен быть здесь. Разве это не часть его самого? Разве не его разум работает в этих ваших замечательных двигателях, и разве не его сила поднимает нас с земли и снова опускает, как только вы захотите повернуть это колесо?

– В этом нет сомнений, Зейди, – тихо, но серьезно ответил Редгрейв. "Вы же знаете, что у нас, жителей северных провинций, есть свои традиции и свои призраки; и что может быть более вероятным, чем то, что дух умершего или ушедшего в иные миры человека будет следить за осуществлением его величайшей работы на земле? Почему бы нам не верить в это, нам, уходящим из этого мира в другой?"

– Почему бы и нет? – прервала Зейди, – Конечно, мы будем верить. А теперь предположим, что мы спустимся вниз и дадим бедной миссис Ван Стюйлер что-нибудь поесть и попить. Дорогая старушка, наверное, уже до полусмерти перепугалась.

– Прекрасно, – ответил Редгрейв, – но сначала мы в буквальном смысле спустимся вниз, чтобы можно было заставить работать пропеллеры.

Он повернул штурвал назад, пока индикатор не указал на пять. Облако-море стремительно приближалось. Они прошли сквозь него и остановились на высоте около тысячи футов над морем. Редгрейв дважды коснулся первой кнопки, затем следующей. Воздух с шипением пронесся мимо стен башни. За ними, казалось, стремительно проносились волны Атлантики, и тогда Редгрейв, убедившись, что за штурвалом находится Мургатройд, задал ему курс на Вашингтон, а затем спустился вниз, чтобы посвятить свою избранницу в искусство и тайну приготовления пищи с помощью электричества, как это делалось на кухне Космолета.

Глава V

Поскольку данное повествование представляет собой рассказ о личных приключениях лорда Редгрейва и его невесты, а не изложение событий, которым уже успел удивиться весь мир, нет необходимости подробно описывать необычайную последовательность обстоятельств, начавшуюся, когда Космолет без предупреждения опустился из облаков перед Белым домом в Вашингтоне, а его светлость, отдав дань уважения президенту, проследовал в британское посольство и передал копию англо-американского соглашения в руки лорда Понсефота.

По мере того как Космолет спускался к огням Вашингтона, настроение миссис Ван Стюйлер поднималось, и когда президент и лорд Понсефот нанесли визит на удивительное судно – совместный продукт американского гения и английского капитала и конструкторского мастерства, она, по просьбе Редгрейва, немедленно заняла должность временной хозяйки дома, и рассказала об "изменении планов", как она это называла, которое привело к их переходу с "Сент-Луиса" на Космолет, с образной беглостью, которая сделала бы честь самому предприимчивому из американских репортеров.

– Видишь ли, дорогая, – сказала она потом Зейди, – поскольку все сложилось так удачно, а лорд Редгрейв вел себя так великолепно, я посчитала своим долгом сделать так, чтобы все было как можно приятнее для президента и лорда Понсефота.

– Это было очень мило с вашей стороны, миссис Ван, – сказала Зейди. – Если бы меня не парализовало от восхищения, я бы, наверное, рассмеялась. Теперь, если вы поедете с нами в путешествие и напишете потом книгу о нем, точно так, как вы рассказывали – то есть как вы описывали, что произошло между Сент-Луисом и Вашингтоном, президенту и лорду Понсефоту, – вы заработаете на этом миллион долларов. Скажите, вы с нами поедете?

– Моя дорогая Зейди, – ответила миссис Ван Стюйлер, – ты знаешь, что я очень люблю тебя. Если бы у меня была дочь, я бы хотела, чтобы она была такой же, как ты, и чтобы она вышла замуж за такого же человека, как лорд Редгрейв. Но всему есть предел. Вы говорите, что собираетесь на Луну и к звездам, посмотреть, как выглядят другие планеты. Что ж, это ваше дело. Я надеюсь, что Бог простит вам вашу самонадеянность и позволит вернуться невредимым, но я... Нет. Десять-двадцать миллионов не хватит, чтобы искушать Провидение подобным образом.

Как известно, Космолет приземлился перед Белым домом накануне президентских выборов. После ужина в салоне на палубе, когда Космолет находился посреди квадрата военных, за пределами которого собралась огромная толпа желающих посмотреть на последнее чудо конструкторской науки, президент и британский посол попрощались, и как только трап был задвинут, Космолет, движимый невидимым глазу воздействием, поднялся с земли под рев радостных возгласов из сотни тысяч глоток. Он остановился на высоте около тысячи футов, и тут его передний прожектор вспыхнул, охватил горизонт и исчез. Затем он снова вспыхнул, прерываясь длинными и короткими сигналами азбуки Морзе, которые в переводе на русский язык гласят:

"Голосуйте за честных людей и честные деньги!"

Через пять минут все телеграфные провода Соединенных Штатов были оживлены этим лаконичным, многозначительным сообщением, а за океаном, среди темных глубин Атлантического океана, в сотне газетных редакций Англии и континента промелькнули яркие сообщения о свершившемся чуде. Нью-йоркский корреспондент лондонской газеты "Дейли Экспресс" добавил к своему рассказу о странном происшествии следующий абзац:

"Секретом этого удивительного судна, которое доказало, что способно за день пересечь Атлантику и по желанию взмыть за пределы атмосферы, владеет только один человек, и этот человек – английский дворянин. В воздухе витают слухи о всеобщей войне. Одно такое судно может в несколько дней посеять ужас на континенте, деморализовать армии и флоты, повергнуть общество в хаос и установить деспотию одного человека на руинах всех правительств мира. Человек, способный построить один такой корабль, мог бы построить пятьдесят, и, если бы его страна попросила его об этом, он, несомненно, сделал бы это. Тем, кто, как мы почти вынуждены полагать, уже сейчас задумывает серьезную попытку свергнуть Англию с ее верховного места среди европейских государств, будет полезно обратить самое пристальное внимание на этот последний потенциальный фактор в военных действиях ближайшего будущего".

Возможно, этот пункт не был столь же абсолютно верным, как теорема Евклида, но он остановил войну. На следующий день пришел "Дойчланд", и снова пресса была наводнена, на этот раз личными рассказами и великолепными образными описаниями видения, которое спустилось с облаков, сделало круг вокруг идущего на максимальной скорости лайнера, а затем в одно мгновение исчезло за пределами видимости полевых биноклей и телескопов.

Так творение изобретательского гения профессора Ренника сыграло свою первую роль миротворца мира.

Когда сообщение Космолета было должным образом передано и записано, его пропеллеры начали вращаться, а его нос повернулся на северо-восток. Так началась, как теперь известно всему миру, самая необычная предвыборная поездка, которая когда-либо была известна. Сначала Балтимор, затем Филадельфия, а потом и Нью-Йорк увидели вспышки в небе. Были иллюминации, факельные шествия, вся техника американской предвыборной агитации работала на полную мощность. Но когда люди увидели вдали, в звездной ночи, эти быстро меняющиеся лучи, сверкающие как бы из бесконечного космоса, и когда телеграфисты поняли, что это сигналы, то, казалось, и республиканцев, и демократов охватил какой-то трепет. Даже мысли представителей Таммани стали подниматься над уровнем подлой торговли. Это было почти как послание из другого мира. В нем было что-то сверхъестественное, и когда его перевели и бросились печатать в дополнительных выпусках вечерних газет: "Голосуйте за честных людей и честные деньги" – стало девизом миллионов.

Из Нью-Йорка в Бостон, из Бостона в Олбани, затем через всю страну в Буффало, Кливленд, Чикаго, Омаху, затем на запад в Сент-Пол и Миннеаполис, на север в Портленд и Сиэтл, на юг в Сан-Франциско и Монтерей, затем снова на восток в Солт-Лейк-Сити, а затем, после прыжка через Скалистые горы, который напугал миссис Ван Стюйлер почти до обморока и заставил Зейди затаить дыхание, на юг в Санта-Фе и Новый Орлеан.

Затем на север по долине Миссисипи до Сент-Луиса, а оттуда на восток через Аллеганы обратно в Вашингтон – таково было знаменитое ночное путешествие Космолета, и так с помощью длинного серебряного язычка света он распространил весть о здравом смысле и коммерческой честности по всей длине и ширине Великой Республики. Мир знает, как Америка восприняла и интерпретировала его на следующий день.

Тем временем мистер Рассел Ренник отправился поездом в Вашингтон, и на следующий день после выборов он с готовностью взял назад все свои намерения в отношении маркиза Байфлита, принял вместо него лорда Редгрейва и дал свое благосклонное благословение на

свадебном завтраке, состоявшемся через неделю в салоне корабля Космолет, парящего в воздухе на высоте пятисот футов над куполом Капитолия. К этому он добавил чек на миллион долларов, который должен быть выплачен графине Редгрейв по возвращении из свадебного путешествия.

Позавтракав, свадебная компания под руководством капитана осмотрела замечательное судно. После этого, пока все пили кофе и ликеры, а мужчины курили сигары в гостиной, несколько самых выдающихся мужчин и женщин Соединенных Штатов испытали необычное ощущение: они спокойно сидели в креслах на палубе, в то время как их несло со скоростью сто пятьдесят миль в час сквозь атмосферу.

Они подлетали к Ниагаре, опускались в нескольких футах от поверхности водопада, проносились над ним, падали на реку и проносились по ней в нескольких ярдах от бушующих вод. Затем в одно мгновение они взмыли в облака, снова снизились и взяли курс на Вашингтон с невероятной скоростью, но для них самих совершенно незаметной, если не считать размытой стремительности едва видимой земли за их спинами.

В тот вечер Космолет снова остановился перед ступенями Белого дома, а лорд и леди Редгрейв стали гостями полуофициального банкета, устроенного недавно переизбранным президентом. Речь на вечере произнес сам президент, пожелав здоровья жениху и невесте, и вот как он закончил ее:

– В церемонии, свидетелями которой нам выпала честь стать, есть нечто большее, чем соединение мужчины и женщины узами священного брака. Лорд Редгрейв, как вы знаете, является потомком одного из самых благородных и древних родов на Родине Новых Наций. Леди Редгрейв – дочь старейшего и, надеюсь, мне будет позволено сказать без обиняков, величайшего из этих народов. Возможно, еще рано говорить о формальной федерации англосаксонского народа, но я думаю, что выражаю чувства каждого добропорядочного американца, когда говорю, что если слухи, которые распространяются по Атлантике, слухи о решительной попытке некоторых европейских держав напасть и, если это возможно, разрушить эту великолепную крепость личной свободы и всеобщего равенства, которую мы называем Британской империей, к несчастью, окажутся правдой, то может случиться так, что весь остальной мир поймет, что Америка не зря говорит по-английски.

– Но я также должен напомнить вам, что в нескольких ярдах от дверей Белого дома находится величайшее чудо, я бы даже сказал, величайшее из чудес, когда-либо сотворенных человеческим гением и человеческой промышленностью. Это удивительное судно, на котором некоторым из нас выпала честь совершить самое чудесное путешествие в истории механического передвижения, было придумано американским ученым, человеком, чья дочь сидит сегодня по правую руку от меня. По своей физической природе это судно, предназначенное для плавания по безбрежному океану космоса, является английским. Но она также является результатом веры и убежденности англичанина в американский идеал... Поэтому, когда судно покинет Землю, что произойдет через час или около того, и войдет в пределы других миров, кроме этого, и, возможно, познакомится с другими народами, кроме тех, что населяют Землю, оно сделает бесконечно больше, чем уже сделало, как бы невероятно это ни казалось. В этом мире оно не только подтвердит, что величайший триумф человеческого гения имеет англосаксонское происхождение, но и донесет до других миров, кроме этого, истину, которую этот мир узнает еще до конца XIX века.

– Англия в лице лорда Редгрейва и Америка в лице его графини покидают сегодня этот мир, чтобы рассказать другим мирам нашей системы, если, конечно, они найдут какие-то внятные средства связи, о том, каков этот мир, хороший и плохой. И вполне возможно, что тем самым они положат начало более широкому общению сотворенных существ, чем позволяют

пределы этого мира; общению, дружбе и, как дает нам право полагать Космолет, даже физическому общению мира с миром, которое на заре двадцатого века может превзойти в реальности самые смелые мечты всех филантропов и философов, стремившихся к просвещению человечества от Сократа до Герберта Спенсера.

Глава VI

После того как передний прожектор Космолета прощально сверкнул над толпой ликующих жителей Вашингтона, винты корабля закрутились, и он повернул на север, чтобы попрощаться с Эмпайр-Сити.

Незадолго до полуночи над Нью-Йорком и Бруклином вспыхнули два его прожектора, на которые почти сразу же ответили сотни электрических лучей, вырвавшихся из разных частей Большого Города, а также с нескольких военных кораблей, стоящих в заливе и на реке.

– Прощайте! Есть ли у вас сообщения для Марса? – мелькнуло над командирской башенкой Космолета.

Каким было послание дяди Сэма, если оно у него было, так и осталось неразгаданным, потому что сразу пятьдесят лучей начали расходиться в разные стороны, и в результате до командирской башенки, с которой лорд Редгрейв и его невеста в последний раз смотрели на человеческие владения, долетело лишь размытое пятно из множества смешанных лучей.

– Можно было догадаться, что они ответят все сразу, – сказала Зейди. – Газеты, естественно, хотят получить интервью с первыми лицами Марса, а другие хотят знать, что можно сделать в плане торговли. В любом случае, дяде Сэму будет приятно, если он заключит первый договор о взаимовыгодном сотрудничестве с другим миром.

– И затем приступит к созданию торгового центра Солнечной системы, – рассмеялся Редгрейв. – Что ж, посмотрим, что можно сделать. Хотя, как англичанин, я считаю, что должен присматривать за "Открытой дверью".

– Чтобы немцы не успели войти раньше вашего, а? Это так похоже на вас, дорогие добродушные англичане. Но посмотрите, – продолжала она, указывая вниз, – они снова подают сигналы, на этот раз все сразу.

Из главных газетных редакций Нью-Йорка вырвалось полдюжины лучей. Затем они одновременно снова начали расставлять точки и черточки. Редгрейв записал их карандашом, а когда сигналы прекратились, зачитал:

– Войны нет. Двойственный союз распадается. Не нравится задумка Космолета. Только что получены телеграммы. До свидания и удачи! Возвращайтесь скорее и в целостности и сохранности!

– Что? Мы остановили войну! – воскликнула Зейди, сжимая его руку. – Ну, слава Богу. Разве можно было бы начать наше путешествие более удачно? Ты помнишь, о чем мы говорили на днях, Ленокс. Если это правда, то мой отец где-то сейчас осознает, какое благословение он подарил своим братьям! Мы остановили войну, которая могла бы залить кровью весь мир. Мы спасли, может быть, сотни тысяч жизней и избавили от горя тысячи домов. Ленокс, когда мы вернемся, ты, Штаты и британское правительство должны построить целый флот этих кораблей, и тогда англосаксонская раса скажет всему остальному миру...

– Миллениум наступил, и его богиня-предводительница – Зейди Редгрейв. Если вы не прекратите воевать, не распустите свои армии и не превратите свои флоты в лайнеры и грузовые суда, она будет топить ваши корабли и уничтожать ваши армии, пока вы не образумитесь. Ты это имеешь в виду, дорогая? – рассмеялся Редгрейв, обнимая левой рукой ее талию и кладя правую на переключатель прожектора, чтобы ответить на сообщение.

– Не будь смешным, Ленокс. Все же я полагаю, что это похоже на правду. Они не заслужили бы ничего другого, если бы были настолько глупы, чтобы продолжать сражаться после того, как узнали, что мы можем их уничтожить.

– Именно. Я совершенно согласен с вашим сиятельством, но все же достаточно того дня, когда наступит Армагеддон. А теперь, я полагаю, нам лучше попрощаться и отправляться в путь.

– И какое прощание, – прошептала Зейди, устремив взгляд в звездный океан Космоса, простиравшийся над ними и вокруг них. – Прощание с самим миром! Ну, скажи это, Ленокс, и давай отправимся, я хочу посмотреть, как там живут другие.

– Ну что ж, прощайте, – сказал он и начал подергивать переключатель взад-вперед неровными движениями, посылая в сторону Земли то короткие вспышки, то более длинные лучи. На Эмпайр-Сити появилось прощальное сообщение.

– Слава Богу за мир. Прощаемся на сегодня. Мы должны передать народам планет, когда найдем их, совместное приветствие Джона Булла и дяди Сэма. Оревуар!

В ответ на это сообщение на Космолет обрушился шквал сконцентрированных прожекторов с суши и моря. На мгновение его сияющая фигура сверкнула, как бриллиантовое пятнышко, среди светящейся дымки далеко в небе, а затем на долгие тревожные дни исчезла из поля зрения смертных.

Через несколько минут Зейди показала на корму и сказала:

– Смотри, вон Луна! Просто фантастика – наша первая остановка! Сейчас она кажется не такой уж далекой.

Редгрейв повернулся и увидел бледно-желтый полумесяц новой луны, плывущий высоко над восточным краем Атлантического океана.

– Кажется, что мы можем направиться к ней прямо над водой, но, конечно, она не будет нас дожидаться, – продолжала она.

– О, она обязательно будет рядом, когда мы захотим, не бойтесь, – рассмеялся он, – в конце концов, до нее всего лишь около двухсот сорока тысяч километров, а что это такое в путешествии, которое охватит сотни миллионов миль? Для нас это будет своего рода трамплин в Космос.

– И все же я не хотела бы пропустить это событие, – сказала она. – Я хочу увидеть все то, что есть на той стороне, чего еще никто не видел, и решить вопрос с воздухом и водой. Разве это не замечательно, что я могу вернуться и рассказать обо всем дома? Только представьте себе, что я буду говорить о таких вещах, когда мы, возможно, собираемся разгадать некоторые скрытые тайны Творения и, может быть, посмотреть на то, что человеческим глазам не суждено увидеть, – продолжала она с внезапной переменой в голосе.

Он почувствовал легкую дрожь в руке, которая лежала на его ладони, и его рука протянулась вниз и взяла ее.

– Мы увидим много удивительного и, возможно, чудесного, прежде чем вернемся, но почему в Творении должно быть что-то такое, на что не должны смотреть глаза сотворенных существ? Как бы то ни было, мы сделаем, я надеюсь, одно дело – решим раз и навсегда величайшую загадку миров.

– Вот, например, – продолжал он, обернувшись и указывая на запад, – Венера следует за Солнцем. Через несколько дней, я надеюсь, мы с вами будем стоять на ее поверхности, возможно, попытаемся разговаривать с ее обитателями при помощи знаков и фотографировать ее пейзажи. Есть еще Марс, вон тот маленький, красный. До нашего возвращения мы разрешим множество вопросов и относительно него. Мы пройдем по кольцам Сатурна и, возможно, составим их схему с его поверхности. Мы пересечем полосы Юпитера и выясним, облака это или нет; возможно, мы высадимся на одной из его лун и совершим путешествие вокруг него.

– Но сейчас не об этом речь, и если вы торопитесь обогнуть Луну, то нам лучше начать, как говорится, с чистого листа; так что спускайтесь вниз, и мы закроемся. Чуть позже я покажу вам нечто такое, чего не видел ни один человеческий глаз.

– Что именно? – спросила она, когда они повернули в сторону лестницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.